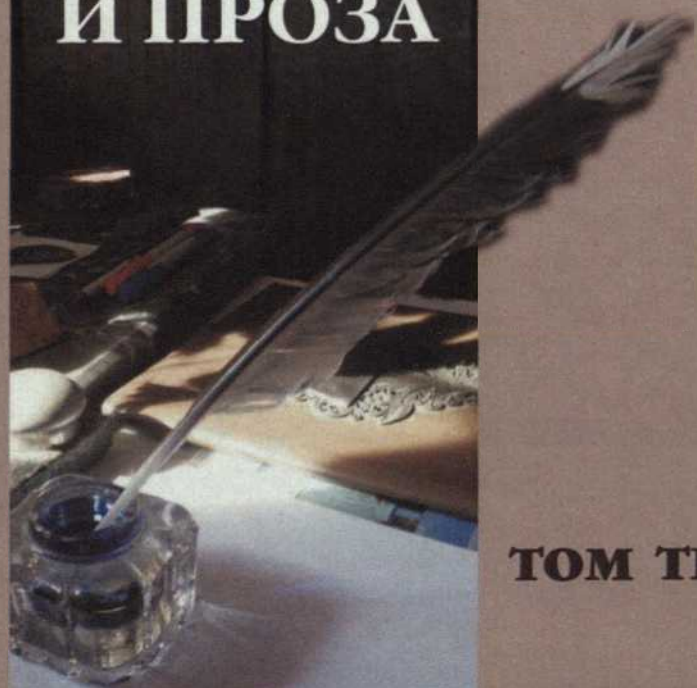

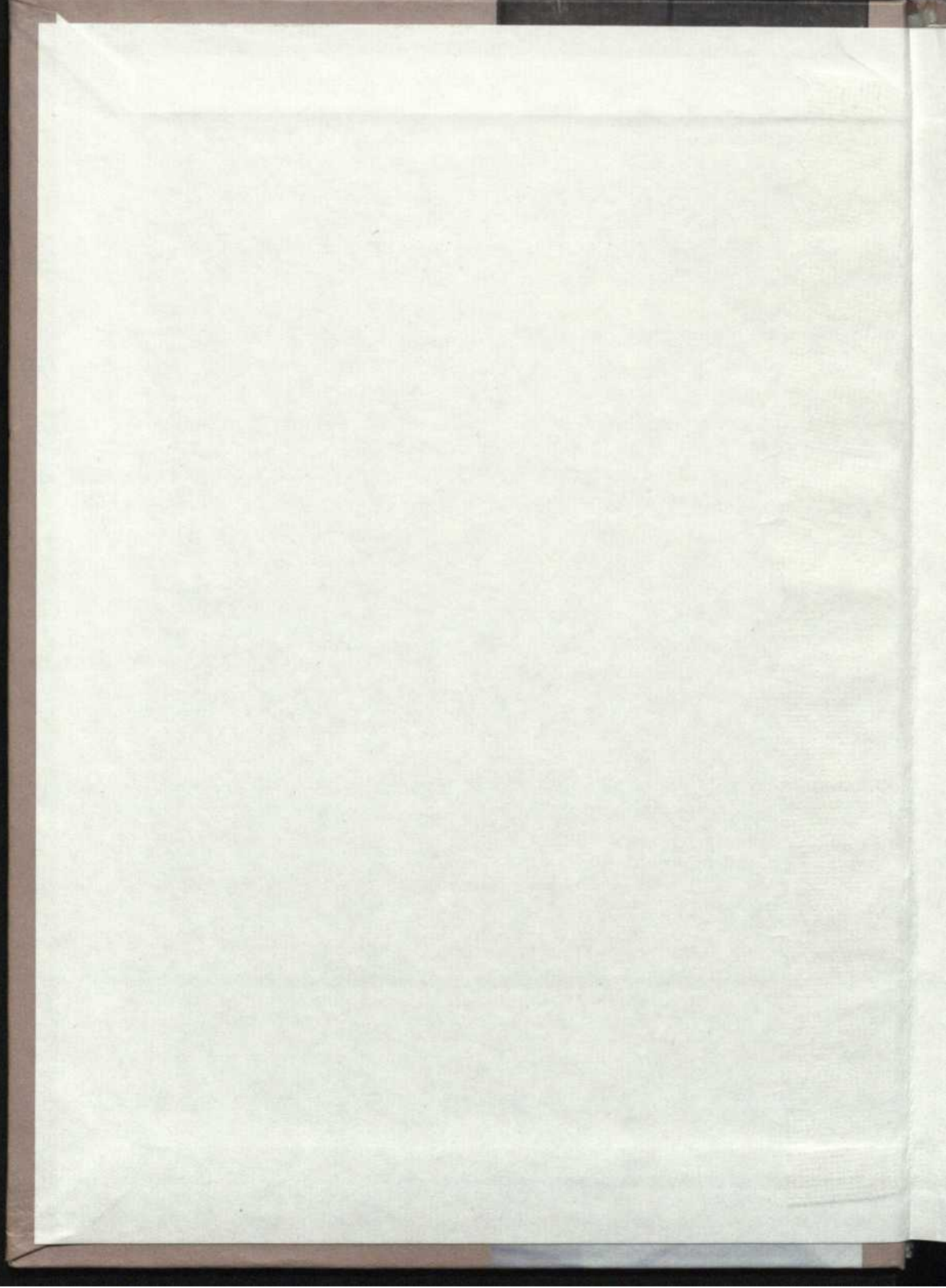
*Вячеслав
Вьюнов*

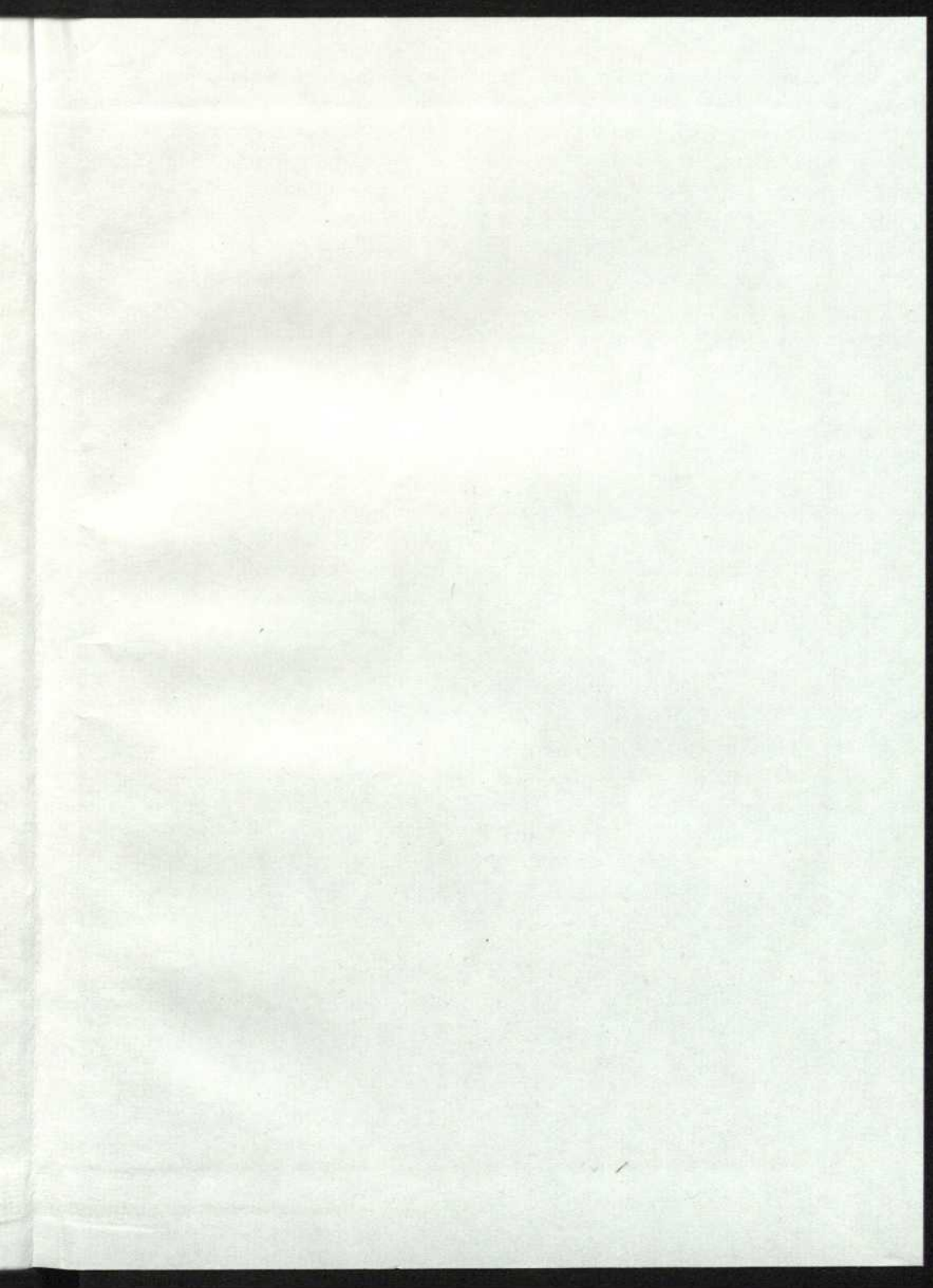
СЛАДКАЯ
печаль сердца

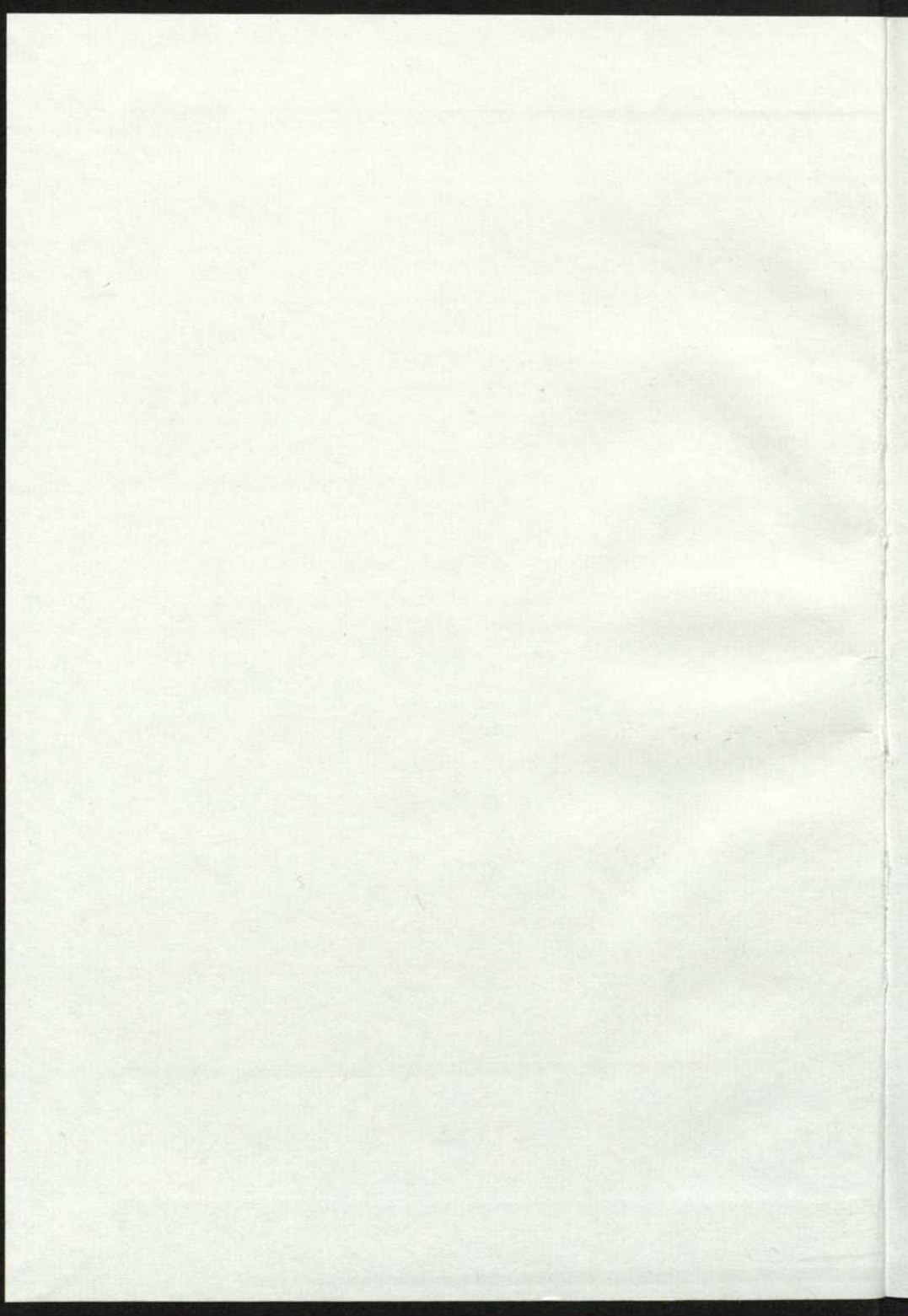
**ПОЭЗИЯ
И ПРОЗА**

ТОМ ТРЕТИЙ

Вячеслав ВЬЮНОВ

СЛАДКАЯ
печаль сердца

Почти документальный роман в рассказах

Том третий

Чита 2024

К 84ч 84(2=411.2) 6-4Р

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5
В 96

Автор благодарит генерального директора АО «Племенной завод «Комсомолец» Деяна Савича и руководителя сети магазинов «ГЕНЕЗИС» Дмитриева Владимира Борисовича за финансовое обеспечение издания третьего тома романа «Сладкая печаль сердца».

Особая благодарность за организацию издания члену Союза писателей России, члену Союза журналистов России, члену Совета по развитию культуры и искусства при Губернаторе Забайкальского края, сопредседателю Забайкальского регионального отделения Общероссийского общественного движения «Культурный фронт России» Валерию Викторовичу Попову.

ISBN 978-5-906307-00-2

В 96 **Вьюнов Вячеслав Александрович**

Сладкая печаль сердца : Том третий (18+) / В.А. Вьюнов. – Чита : Читинская городская типография, 2024. – 304 с.

В книге «Сладкая печаль сердца» известный забайкальский писатель делится воспоминаниями о своём детстве, юности, годах творческого становления, а также о встречах с замечательными людьми, оставившими след в его душе, свет в его жизни. Через призму этих воспоминаний раскрывается панорама общественно-политической, культурной, литературной жизни Забайкалья, России. Произведение содержит малоизвестные факты из жизни знаменитых людей – современников автора. Верится, что книга будет интересна читателям разных возрастов.

ISBN 978-5-906307-00-2

ФОНД КРАЕВЕДЕНИЯ

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5

ЭК

585-458-

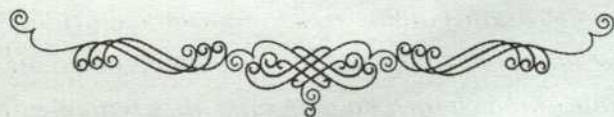
ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ КРАЕВАЯ
БИБЛИОТЕКА им. А.С. Пушкина
АБОНЕМЕНТ

© Вьюнов В.А., 2024 г.

© ООО «Читинская городская типография», 2024 г.

**А ЧТО У ВАС,
РЕБЯТА, В РЮКЗАКАХ?**

Часть первая

«...Всё в этом мире — видимом и невидимом — связано непонятным образом. Как грибочки под ногами, всё пронизано тончайшими нитями следственно-причинных связей, которых триллионы и триллиарды и которых нам никогда не узнать.

Книга, стихотворный сборник — талантливый или бездарный, выпущенный в свет, незаметно, но неотвратимо меняет общий миропорядок. В ту или другую сторону. Как меняет его спетая песня, музыка, телепередача, высказанные и невысказанные мысли и другие результаты физической и духовной деятельности. Эти изменения нельзя измерить на весах, но эти изменения чувствуют все. Постепенно они накапливаются, проходят невозвратную точку и выстраивают новое мировоззрение с новыми моральными ценностями. Они меняют общество.

Большинство людей об этом догадываются, но физически отрекаются от этой мысли. Если принять её, значит, взять на себя ответственность за всё происходящее...»

ВСТУПЛЕНИЕ

*Я жизнь не оставляю на потом,
Я днями, как монетами, швыряю,
Мне их насыпали в карман пальто,
А сколько их насыпали — не знаю.*

Когда человек покидает мир, он не просто изымает себя из жизни — он захватывает с собой целую вселенную, о которой больше никто ничего никогда не узнает. Время — великий пожиратель. И нет от него спасения. Разве что Слово.

Когда-нибудь настанет время и мне уклониться от жизни. И я тоже заберу с собой свои закаты и восходы. Даже рыжиков в лесу и стрижей в небе.

*Порою такое нахлынет!
В избушку свою ухожу.
На омут гляжу тёмно-синий
И долго на пламя гляжу.*

*Огонь мои чувства остудит,
И сразу же вспомню в тепле:
Какие хорошие люди
Со мною живут на земле!*

*Закат приподнимет избушку
И выкинет в небо стрижей,
Прозрачнее станут волнушки
И рыжики станут рыжей.*

*Огонь ничего не подскажет,
Костёр прогорит на юру.
Ну что же!
Я тоже однажды
Вот также возьму и умру.*

*Избушку с железной трубой
И рыжик в сосновом бору,
И вас, всех живущих, с собою,
С собой навсегда заберу.*

*К себе нисхожденья не будет.
Но жаль, уходя в никуда,
Что все вы, любимые люди,
Со мною уйдёте туда.*

Написано оно там, в тайге, на любимой аллее возле скал. В тот период я особенно остро это почувствовал. А после нет-нет да и возвращался к этой мысли. Конечно, останутся рыжики и стрижи, но они будут уже другими: иначе будет падать свет, по-другому будут играть блики, само время изменится – мир станет старше на несколько мгновений.

Только запечатлённое слово способно остановить время. Не только остановить – но и сохранить.

Хорошо, если человек владеет литературным словом – тогда его вселенная останется в его строчках. Но таких – единицы. Судьба сводила меня не только с писателями. Я был знаком с людьми разных профессий, для которых книга не была главным предметом их жизни: охотниками, геологами, трактористами, агрономами, председателями колхозов, лесниками, кочегарами, пастухами, топографами, врачами... Вот об этих людях, с которыми сводила и разводила меня жизнь, я и хочу рассказать. Чтобы оставить о них светлую память.

В последние годы появилось у нас новое модное веяние – на англосаксонский манер называть людей по имени, без отчества. Даже если человек этот значительно старше тебя. Мне чужда такая мода, человек – не собачонка, человек должен иметь отчество. Но иногда в своём романе сам называю своих героев лишь по именам. Причина одна, надеюсь, уважительная: не помню отчество или помню смутно. Листаю свои дневники, но и там: или нет нужных сведений, или записи затёрлись – от времени, сырости, сажки, пролитого чая, раздавленных между страниц комаров... Заранее прошу прощения.

Но ведь каждый день не опишешь, а память не в силах удержать столько деталей, имён, дат. Тогда я обращаюсь к работнице отдела кадров Читинского геологического управления Наталье Александровне Косых. Если и Наталья Александровна не в силах помочь, обращаюсь к словарям, энциклопедиям. Если и энциклопедии бессильны, прибегаю к последнему источнику — звоню Павлыку Владимиру Николаевичу. Владимир Николаевич знает всё.

Если же требуется узнать неизвестные страницы из жизни художников Забайкалья или вспомнить забытые имена — звоню Елене Иманаковой или Галине Акопян.

Если же надо что-то выяснить из истории города и Забайкалья, есть у меня волшебный телефон Ирины Куренной. Я даже не открываю Малую энциклопедию Забайкалья, которая насчитывает более шестидесяти томов, — особенно если речь идёт о культурной жизни или истории, потому что Ирина — автор сотен статей этой энциклопедии. Как и Елена Иманакова. Между прочим, не так уж много регионов, которые позволили себе иметь роскошь в виде собственной энциклопедии.

Особую благодарность испытываю к Наталье Муратовой, Владимиру Яковлеву и Екатерине Скороход — они помогли мне в редактировании рукописи.

Вдоль насыпи ржавые травы,
Мазутом пропитан песок.
Прозрачны, как ветер, составы
На запад летят и восток.
Подилнешься только на бруствер —
И тоже как будто летишь.
Зачем же ты с медленной грустью
За ними подолгу следишь?
Когда-то давно на вокзале
Я, полон надежды и сил,
С открытыми настежь глазами
Вот также за ними следил.
Душа моя счастья хотела,
За ними тянулась во след.
Но в дальних и близких пределах
Его одинаково нет.
Оно из груди вырастает.
А если же пусто в груди —
Гляди и гляди на составы,
До смерти — сквозь слёзы — гляди.

ЮРКИН КЛЮЧ

*Нам повезло. Нам дали карабины,
По рюкзаку огромному на спины,
Отсыпали и порох, и свинец.
Мы шли тайгой, карабкались на скалы,
Ах, эти перекуры-перевалы!
И комаром приправленный супец!
Себя мы за героев не считали,
На безымянных речках ночевали,
А утром эти реки называли
По именам любимых и друзей.
Мы цирки подревней, чем Колизей,
На старые планшеты наносили,
Мы сапоги разбитые носили,
Которые в итоге попросили
На память в краеведческий музей.*

Тунгус Семён перевозит нас на другой берег Нерчи. Сильное течение сносит не только оранжевую резиновую лодку, но и синеву неба. Поэтому вода отражает каменистое дно: она серая, бугристая, в жгутах и скрутках. Семён направляет лодку наискосок течению, он невозмутим и сосредоточен, как Харон, перевозивший души.

Нам, молодому специалисту Юрию Степанову и мне, радиометристу, выпал маршрут на другой стороне реки: четыре километра пройти левым бортом распадка до изголовья и спуститься правым бортом — тоже четыре километра. Затем подняться вверх по Нерче и ждать нашего Харона.

В партии Ивана Дмитриевича Победаша я работаю второй сезон — в летние каникулы после девятого класса, и вот теперь — после окончания школы. У Степанова это первое самостоятельное поле, он мечтает открыть месторождение. Мы с ним на «ты», разница в возрасте не такая уж большая, тем более что я являюсь «старожилом». А до это-

го был ещё один полевой сезон – после восьмого класса, но уже в другой партии.

Лодка тычется в галечный берег. Семён выскакивает и держит её, пока мы вытаскиваем рюкзаки и радиометр. Семён привязывает за кольцо на носу лодки капроновый фал. Сейчас он, как бурлак на Нерче, поведёт её два километра против течения, чтобы с учётом сноса лодку прибило к нашему лагерю на той стороне.

Семён родом из села Нижний Стан, в котором до сих пор живёт снайпер Семён Данилович Номоконов, уничтоживший в войну более трёх сотен фашистов. Семён приходится ему дальним родственником. Мы прощаемся до вечера, договариваемся о времени. Надеваю рюкзак, набрасываю на шею ремень радиометра, но пока не включаю – до начала маршрута ещё с полкилометра. Юра Степанов зевает. Он всю ночь провёл в палатке у студентки Уральского университета, в нашей Улунтуйской партии она на практике. У них в разгаре любовь.

– Слушай, Слава, – на ходу оборачиваясь, говорит Юрка, – к точке выйдем, я прилягу, покемарю, а то глаза слипаются. Будь другом, пройди маршрут с прибором, сними показания, я потом разнесу. Карту, компас возьмёшь...

– А как же геология?

– Я потом в выходные закрою.

Понимаю, что это непорядок, геологию делать надо. От фонаря не напишешь – туфта вылезет, когда начнут маршруты сбивать. В выходные так в выходные. Главное, чтоб раньше времени не узнал Победаш.

Мы продираемся через ольховник. Скоро начало маршрута. Я включаю радиометр – он пищит истошно, стрелка на шкале почти зашкаливает. Юрка слышит писк и останавливается:

– Сколько?

– Почти пятьдесят.

– Ничего себе!

Мы выходим на открытую поляну и... замираем. Перед нами глыбы и куски белоснежного кварца, обсыпанного зёрнами молибденита. Кое-где сверкают молибденитовые солнца – блестящие круги алюминиевого – стального цвета с расходящимися от центра лучами. Мы оторопело молчим – потому что так не бывает.

Понятно, что каждый геолог мечтает открыть месторождение. Особенно молодой специалист. Но чтобы вот так, сразу? В свой первый полевой сезон? В свой первый маршрут? Юрка снимает рюкзак и осторожно, чтобы не вспугнуть видение, подходит к белой глыбе. Блестящие белые солнца слепят глаза. Он трогает белый кварц — видение не исчезает. Радиометр пищит.

— Да выключи ты его!

Мы садимся на молибденитовые солнца и закуриваем. Юрка молчит. Надо осмыслить случившееся.

— А ведь это молибденовое месторождение, — осторожно говорю ему.

— Вижу, — соглашается Юрка.

— Ты как первооткрыватель имеешь право назвать его.

— Да, верно, — вторично соглашается Юрка.

— Об этом надо сразу думать.

— Надо думать, — эхом отзывается молодой специалист. Похоже, его слегка переклинило.

— Видно сразу, что месторождение богатое, прямо кусками...

— Может даже, областного масштаба.

— Думай, — говорю ему.

— Думаю. Давай назовём его так: месторождение Светлое.

Я понимаю, куда клонит Юрка: его пассию зовут Светлана. «Этак, если каждой дарить, месторождений не напасёшься».

— Как-то очень банально — Светлое. Их, куда ни кинь — всюду полно.

— Банально, — с лёгкой радостью в душе соглашается Юрка, — нет, я до сих пор не верю.

— Посмотри, на чём сидишь!

Юрка достаёт планшет и разворачивает топографическую основу. Ищет нужную точку.

— Тут даже название ключа не указано.

— Назови его «Юркин ключ».

Степанов думает.

— А что! И скромно, и имя есть.

Он ещё какое-то время думает, затем берёт простой карандаш и отчётливо выводит «Юркин ключ».

— Это — месторождение. А как посёлок будет называться? Ясно, что здесь будет посёлок.

Взглядом Петра Первого первооткрыватель Степанов медленно обводит распадок. Ему всё ещё не верится. Молотком на длинной ручке он отбивает от кварцевой глыбы кусок — молибденит на сколе слепит глаза.

— Назови посёлок Юркоган.

Степанов думает.

— Где-то это уже было. К тому же сильно похоже на уркаган. Не-е, не пойдёт.

— Тогда — посёлок «Юринский».

— Во! Это уже лучше. Но до посёлка надо ещё дожить... — мечтательно тянет Юрка и ещё раз осматривает распадок. Догадываюсь, что он сейчас представляет — где что будет находиться: школа, дом культуры... Лицо у Степанова счастливо-глуповатое.

— Ладно, давай работать.

Юрка достаёт пикетажку и описывает точку. Ясно, что маршрут срывается. Какой маршрут, когда тут такое творится!

— Надо всё это, — он показывает на кварцевые развалы, — перенести к берегу, а потом вверх, до лодки.

Весь день мы переносим образцы до берега, а потом ещё два километра вверх по Нерче. Даже про обед забыли. К назначенному часу на берегу высилась фантастическая маленькая скала — серебряно-блестящая. Счастливые, мы ждём нашего Харона. Оранжевая точка быстро увеличивается, превращается в лодку и причаливает точно возле нас. Невозмутимое лицо Семёна возмущается.

— Это что? — почти с испугом спрашивает он.

— Месторождение, — скромно отвечает Степанов, — надо перевезти.

— Нет, — категорически возражает наш Харон.

— Почему?

— Утонем. Она берет всего триста килограммов, — Семён кулаком бьёт по тугому резиновому боку лодки. Лодка бунчит. — Нас трое, это уже два центнера, могу взять только сто килограммов.

Наш Харон прав, тут вышла неувязка.

Расстилаем на дно лодки рюкзаки, в дело идут и наши противоэнцефалитные костюмы — чтобы острыми краями не пробить резину.

Укладываем куски кварца. Юрка сам отбирает — чтоб побольше было руды.

Семён внимательно наблюдает.

— Всё! Всё! — кричит он и заступает дорогу Степанову с очередным валуном.

Юрке жалко оставлять куски кварца. Там ещё осталось центнера два. И жалко своей работы — весь день таскали. Но тунгус Семён непреклонен. Мы признаём его правоту: уйдём на дно и так и не увидим посёлка Юринского.

Без костюмов пауты дают нам жару, но мы терпим, можно сказать, ради будущего месторождения, посёлка, а может, даже города, идём на жертвы. Практически, совершаем подвиг.

Лодка причаливает точно напротив нашего лагеря, надо лишь метров сто подняться на крутой взлобок.

Когда мы с первыми глыбами взобрались наверх, в лагере была одна повариха: все остальные ещё не вернулись из маршрутов.

Юрка думает, потом решительно идет к длинному кухонному столу под навесом у костра. Это центр лагеря.

— Здесь! Чтоб все видели.

И высыпает образцы. То же самое делаю и я. Повариха обходит камни, любит, потом говорит:

— Красиво!

За час мы переносим в центр лагеря все образцы, нам помогает солнце: оно бросает лучи на свои маленькие копии. Затем садимся на скамейку под навесом и ждём, когда вернутся маршрутные пары. Ждём, чтобы получить свою долю славы, восхищения и признания.

Первыми возвращаются старший геолог Иван Петрович Рычагов и студентка Светлана. Светлана ходит вокруг волшебных белых блестящих камней, любит и с восхищением смотрит на Юрку Степанова. Иван Петрович озадаченно постоял возле кучи, ухмыльнулся и ушёл к себе в палатку... Юрка счастье черпает большой ложкой.

Пришёл Юра Юдин, москвич, после окончания МГРИ третий год работает в Забайкалье. Юрий обошёл камни, взял один, полюбился. Вернул на место.

— М-да-а, — протянул неопределённо и направился к своей палатке.

Вернулась из маршрута геолог Светлана Максимова с рабочим. Сняла рюкзак, подошла к блестящим образцам, обошла вокруг, пожалала плечами и удалилась к себе в палатку.

Наконец возвращаются жена Ивана Дмитриевича – Ирина Николаевна со студенткой, а вскоре и сам Победаш с рабочим радиометристом. Не снимая рюкзака, Иван Дмитриевич подходит к куче и спрашивает:

– Это что?

– Это, Иван Дмитриевич, открытое месторождение Юркин ключ, – Юрка счастлив.

– Ты чем занимался всю ночь? – уже грозно спрашивает начальник партии.

В партии все знают, чем всю ночь занимался Юрка Степанов.

– Ты всю ночь должен был изучать геологию района, по которому пройдёт твой маршрут, – поднимает ноту Победаш.

Юрка так и делал: он всю ночь тщательно изучал холмы и рельеф местности, которая, можно сказать, имеет отношение к геологии.

– Это рудопроявление открыто ещё в сорок седьмом году. Руду, всего четыреста килограммов вывезли на лошадях. Давайте ужинать.

Улыбка, как при замедленной съёмке, уходит с лица Юрки Степанова. Уходит месторождение Юркин ключ, уходит посёлок Юринский, растворяется будущий город – пока без названия, рассыпаются в прах школа, дом культуры, больница, памятник первооткрывателю Степанову Юрию Петровичу...

Среди ночи слышу какую-то возню у своей палатки. Долго расстёгивают полог. Потом прямо со спальником вытаскивают наружу.

– Тс-с-с! – шепчут Светка и Юрка, – вставай, пошли.

Часа два мы таскали образцы к реке. И хотя дорога была под гору, работалось труднее, чем днём. Теперь нам светил месяц и его издевательская улыбка была до ушей. Нерча с благодарностью принимала то, что было у неё похищено.

Утром после завтрака Иван Дмитриевич Победаш подошёл к единственному куску белого кварца, забытому нами в лагере, постоял над ним, подумал и обратился к Степанову:

– А маршрут сделаешь за счёт своих выходных.

ГЛАВНАЯ ДОРОГА

*Помнишь тот костёр, что мы палили
Осенью в редяющем лесу?
Листья колыхались и парили,
И держались долго на весу.
Был я там, где жили мы в палатке,
Где вода студёна и остра.
До сих пор подёрнуты распадки
Дымкою от нашего костра...*

В деревню Усугли меня доставляет кукурузник Ан-2. Первый же встречный показывает, как найти базу Улунтуйской партии. База – это обычный деревенский дом на две комнаты, широкий двор с навесом, под которым хранятся пробы и образцы. Заведует базой Александр Прокопьевич, он же по совместительству и радист. На его столе вижу старенькую чёрную пишущую машинку: то ли «Москва», то ли «Башкирия» – они очень похожи. Отчего-то я сильно разволновался...

На базе живёт и водитель старенького грузовичка ГАЗ-51 Николай Иванович. Оставляю на базе рюкзак и завернутое в брезентину ружьё шестнадцатого калибра – подарок отца. Ружьё это из экспериментального выпуска 1957 года, у него ствол длиннее стандартных на одиннадцать сантиметров, больше таких не выпускали. На сто тридцать метров из него я кладу пулю в пятно – затёс на дереве. Спрашиваю, как пройти в сельсовет, встать на учёт: у меня на руках предписание военкомата – осенью в армию. Николай Иванович берётся довезти, по пути прихватывает пустой рюкзак. Мы подходим к его машине. К бамперу грузовичка зачем-то приварен швеллер.

– Это для безопасности, – загадочно говорит Николай Иванович и поднимает указательный палец. Машина с завыванием выезжает на деревенскую улицу.

– А чего так поздно, студент?

– Так экзамены, выпускной вечер.

– Ясно. Ладно, студент, ты пока тут, а я до магазина съезжу.

Николай Иванович высаживает меня у сельсовета и пылит дальше на своём грузовичке.

Пока встал на учёт, заполнил все бумаги, вернулся и Николай Иванович. В рюкзаке солидно побрякивало.

— Поехали, студент!

— Я не студент.

— Какая разница!

Александр Прокопьевич только закончил сеанс связи с партией Победаша.

— Иван Дмитриевич велит завтра быть в лагере. И продукты захвати.

— Ясно. Тогда выезжаем раненько — раненько. Не проспай, студент.

...В шесть утра я уже на ногах. В семь просыпается и выходит на связь Александр Прокопьевич. После мы с ним грузим в кузов грузовичка ящики с тушёнкой, сгущёнкой, банки с сушёным луком, сушёным картофелем, сухарями, галетами, конфитюром, мешки с крупами.

— А где Николай Иванович? Он же говорил раненько — раненько...

Завхоз машет рукой и не отвечает. Потом говорит:

— Ты пока сходи в столовую, вон там, за углом. Хорошенько поешь, а то дорога дальняя. Слышь, и в дорогу возьми котлету — две.

По дороге в столовую я размышляю над словами завхоза. Какая дальняя дорога? Насколько мне известно, от базы до лагеря партии около десяти километров.

ь столовой, обычной деревенской избе, только просторнее, по — домашнему уютно, на окнах вышитые занавески. На подоконниках цветы в трёхлитровых жестяных банках из — под томатной пасты. Как и в любой избе, чуть приторно пахнет геранью. Котлета — как лопата, во всю тарелку.

...Наконец, в одиннадцать часов грузовичок, обречённо завывая, выезжает из ворот базы. Вслед нам печально смотрит Александр Прокопьевич.

Николай Иванович крепко держит баранку. У него волосатые пальцы и волосатая грудь. Скулы слегка выпирают — типичный гуран. На вид Николаю Ивановичу около сорока. Мы проезжаем вдоль всей деревни и когда последний дом остаётся далеко позади, Николай Иванович глушит машину. Я осматриваюсь: рядом деревенское кладбище. Но не слышно

металлического хруста венков, обычного при любом ветерке на любом другом кладбище. Почти все жители деревни — охотники: на могилках возвышаются сохатинные и изюбринные рога.

Николай Иваныч просовывает руку за спинку сиденья и достаёт бутылку водки.

— Надо протрезветь, — снова загадочно говорит он, поднимает указательный палец и вливает в себя добрую половину. Крякает, закуривает папиросу «Север».

— Ну что, студент, в дорогу дальнюю?

У Николая Иваныча хорошее настроение. Он напевает песенку: «В дорогу дальнюю, дальнюю, махну тебе крылом...», при этом переворачивает слова, но это его не смущает. Метров через сто дальняя дорога заканчивается. Грузовичок останавливается, волосатая рука Николая Иваныча снова ныряет за спинку. Бутылка уже наполовину пустая или наполовину полная. Николай Иваныч озадачен, этого он не ожидал. Он обдумывает ситуацию. Раскручивает бутылку и вливает в себя, как в воронку, половину оставшейся половины. Думает. В его мозгу идёт напряжённая никому не видимая работа. Затем он добавляет глоток и отправляет бутылку за спинку.

— Ну что, студент, в дорогу дальнюю?

Вспоминаю слова Александра Прокопьевича про дальнюю дорогу, понимаю, что к обеду можем не успеть и сожалею, что не взял с собой котлету. «В дорогу дальнюю, дальнюю махну тебе крылом...» напевает сильно повеселевший Николай Иваныч. Мы проезжаем небольшой заваок и спускаемся в долину реки Урульги.

— Скоро начнётся главная дорога, студент. Это тебе ого-го! — он глушит машину и ныряет за спинку. Снова долго и озадаченно смотрит на бутылку, полную на четверть.

— Ничего себе!

Николай Иваныч не торопится. Он думает. Он знает, что в таких делах торопиться нельзя. Он выпивает половину четверти и включает первую скорость. Следующие триста метров мы едем без приключений. «Надо было покупать две котлеты, скорее всего, мы и к ужину не успеем...» Через триста метров дорога заканчивается. Николай Иваныч с трудом выгружает себя из кабины, по-хозяйски выпивает остатки, возмущённо смотрит на пустую бутылку и говорит:

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ КРАЕВАЯ
БИБЛИОТЕКА

АБОНЕМЕНТ

- 585758 -

– Мне надо протрезветь, – и лезет в тень под машину. – Ты пока погуляй, студент!

Я прохожу по направлению движения машины и упираюсь в «главную дорогу». Слева – каменистый обрыв метра в три-четыре, под ним пронесется серая река, она кипит и шумит перекатами. Справа – крутой склон, прижим. Между прижимом и обрывом – полоса метров в пятьдесят, на которой растут берёзы – все в обхват. Между берёзами замечаю следы нашего грузовичка, который, проезжая «главной дорогой», всякий раз выбирал новые варианты. На коре многих берез вижу поперечные вмятины. Вспоминаю приваренный к бамперу швеллер – это многое объясняет. «Хорошо, что к появлению Николая Иваныча они успели вырасти». С трудом нашёл спуск к реке. Умылся холодной водой. Река не слишком широкая – метров сорок-пятьдесят. И не слишком глубокая – судя по выступающим валунам. Когда вернулся к машине, Николай Иваныч уже проснулся, бодро потягивался.

– О, студент! А я уж тебя заждался, – он лезет за спинку и вынимает, как волшебник, новую бутылку. «Знал бы, купил три котлеты».

– Надо протрезветь, – охотно поясняет он мой немой вопрос и открывает пробку. Делает три глотка.

– Вот теперь – порядок! В дорогу дальнюю!

– Николай Иваныч, может, я сяду за руль?

– А у тебя права есть? Вот видишь! А впереди – главная дорога. Студент, ты не волнуйся, к вечеру доедем.

Он смотрит на меня неодобрительно и заключает:

– Ты – как редиска – снаружи красный, внутри белый, и вообще нервный.

Мне непонятно, при чём тут редиска, но больше я не говорю ни слова. Николай Иваныч косится на меня и добавляет глоток.

Следующие двести метров мы едем на первой скорости, зато без приключений. Николай Иваныч сосредоточен – впереди главная дорога. Он настраивается. Перед главной дорогой Николай Иваныч глушит машину и высматривает будущий путь. Берёзы отстоят одна от другой, как штанги футбольных ворот, – проехать можно. Николай Иваныч лезет за спинку и строго говорит себе:

– Много нельзя!

И вливает ровно половину. Как это у него так точно получается? Он уже изрядно пьян, но это только добавляет ему решимости. Николай Иванович на первой скорости ловко, как слаломист на лыжах, объезжает первые четыре берёзы, от пятой не успеваает увернуться. Грузовичок швеллером утыкается в огромную берёзу. Дворники на лобовом стекле разводят ладошками: мол, что поделаешь, такова суровая жизнь геологической машины. Николай Иванович сдаёт немного назад, включает нейтральную передачу и начинает настраивать ручной газ. Газ настроен, волосатая рука ныряет за спинку. Пить водку Николай Иванович не торопится, он понимает, что здесь очень важно правильно выбрать дозу. Чтобы ни больше, и — не дай Бог! — не меньше. Конечно, теоретически он понимает, что если есть водка, значит, должна быть и эта формула. Но этой формулы Николай Иванович не знает, поэтому до всего приходится доходить самому, доходить опытным путём. Наконец, он решает, что сейчас — четыре глотка — та самая норма. Сказано — сделано! Бутылка отправляется за спинку, включается первая скорость, Николай Иванович враскорячку покидает машину и идёт рядом, крепко ухватившись за дверцу:

— Надо протрезветь, — поясняет на ходу. Метров через пять грузовичок вздыхает и разводит ладошками...

В лагерь мы въезжаем ранним вечером. Зная крейсерскую скорость грузовичка во главе с Николаем Ивановичем, там уже нас поджидают. Николай Иванович открывает дверцу и выпадает в светлые сумерки, где его подхватывают сильные руки старшего геолога партии Ивана Петровича Рычагова.

Назавтра нет маршрутов, назначен камеральный день. Геологи, студенты обложились картами, пикетажками, образцами. Рабочие занимаются своими делами: кто затеял постирушки, кто ушёл на рыбалку. Машину с утра загрузили образцами и пробами. Николай Иванович сидит за длинным дощатым столом под навесом. Он неподвижен, как сфинкс. Его взгляд устремлён в столешницу. Не на столешницу, а туда, в самую глубь материи. Он решается, он взвешивает за и против. Сейчас уже обед. Если выехать прямо сейчас, то до ночи он может не успеть доехать до деревни, а рисковать имуществом партии он не имеет права. Наконец, он принимает решение. Твёрдо ставит волосатый кулак на столешницу и решительно произносит:

– Раненько-раненько...

Николай Иваныч доволен – он принял решение. Умиротворённо спускается к речке, садится на камень. Подплывает стайка гольянов. Николай Иваныч думает о жизни, о том, как всё правильно и справедливо устроено. Он смотрит на рыбок, рыбки смотрят на Николая Иваныча. Неизвестно, что думают гольяны, а Николай Иваныч думает примерно так: взять хотя бы тех же рыбок. Вроде, безмозглая тварь, а за неё уже всё продумано – случись ей оказаться с похмелья – кругом вода, пей – не хочу.

– Д-а-а...

Затем он обрывает свои философско-лирические размышления и ещё раз напоминает себе:

– Раненько – раненько...

...Давно уже Харон перевёз на ту сторону Ивана Дмитриевича Победаша и его жену Ирину Николаевну Павлову. Списался с их сыном Сергеем, попросил вычитать рукопись.

В девяностые, когда не принято было помогать и вступаться, Николай Иванович вступился за женщину на вечерней городской улице и поймал заточку между рёбер.

С геологом Светланой Николаевной Максимовой иногда встречаемся в городе.

Юра Юдин с женой Александрой, тоже геологом, в 1975 году вернулись на родину, в столицу.

Юрка Степанов с женой Светланой недавно приезжали ко мне на старенькой иномарке. Он пополнел, погрузнел. Своё месторождение Юрий Петрович так и не открыл. Однако «Юркин ключ» так и остался на карте.

О судьбе тунгуса Семёна я ничего не знаю.

ТРОПИНКА В ПАРКЕ

*В палатке подолгу живёшь,
Предчувствуешь непогоду,
Целебные травы жуёшь
И пьёшь родниковую воду.
Ломаешь скалистый хребет,
Молотишь тайгу сапогами
И, чувствуя силу в себе,
Родство ощущаешь с богами.
...Но время приходит, когда
В реке остывает вода,
И пишутся длинные письма —
Жизнь требует нового смысла.
Придёт под осенний мотив
Всё, чем твоя жизнь небогата.
И пишешь, совсем позабыв,
Что нету давно адресата.
Неясная, словно судьба,
Колышется тень по палатке.
Ты полностью выльешь себя
Лиловой в линейку тетрадке.
Шагнёшь из палатки.
Уже
Вздыхает рассвет осторожно.
Почувствуешь новость в душе —
Её объяснить невозможно.
И, каждую травку любя,
Под этой немыслимой ширью
Почувствуешь пылью себя,
Счастливую звёздную пылью!*

Из дневника:

«1 июня. 1969 год. Воскресенье. Чита.

Ура! Лето! Наконец-то! Ах, если бы не было экзаменов...

2 июня. Понедельник. Чита. 8.30. Роковой день. Иду на экзамены.

Иду навстречу своей гибели... Позвонил Люде:

– Здравствуй, Люда.

– Здравствуй, Слава!

– Волнуешься перед экзаменами?

– Немного.

– Люда, не забудь взять с собой неразменный пятак. Пусть он все экзамены пройдёт. И у тебя по всем будут пятёрки.

– Да? Не поможет, наверное.

– Поможет. Надо только верить.

Все в классе считают, что я «бегаю» за Людой Подлесной. А мне кажется, я её люблю. В первый раз. Правда, до этого я две недели любил одноклассницу Таню Евсееву, а потом – Лариску Смирнову.

– Ладно, постараюсь взять.

– До свидания. Вернее, до экзаменов.

– До экзаменов.

3. Июнь. Вторник.

Кажется, сдал! Уф!.. Не сам сделал, а списал у Витьки Белого. В общем-то, списывать можно было. Мы нарочно натащили много цветов и весь стол был заставлен букетами – и нам комиссию не видно, и ей – тоже... Хорошо ещё, что никого не было из ОБЛОНО, все свои...

Я с десяти лет мечтаю стать геологом. Пусть даже трудно, рюкзак – 20 килограммов, пусть мошка, тайга. Но ведь без этого нельзя геологу. Романтика – это где трудно и интересно. А потом прочитал чьё-то стихотворение «Дворники» и понял, что не только геологи романтики.

Дворники – романтики по-своему,

Ведь у них особые права.

Дворниками улицы освоены

И открыты, словно острова...

Сочинить бы и мне что-нибудь про дворников, про их нелёгкую, но романтическую работу!

«29. Май 1969 год. Чита. Летом я буду работать. Есть четыре варианта. Можно работать у отца на стройке. Можно грузчиком в хлебобулочном магазине у мамы, это на углу улиц Ленинградская и Калинина (Амурская). Можно работать в поле в геологической партии, устроиться поможет классная Надежда Васильевна. А ещё можно работать тоже в геологической партии, но уже с двумя знакомыми ребятами из Старого двора, устроиться поможет Гулин Василий Александрович. Это увлекает больше, чем стройка. Учиться можно в Иркутском геологоразведочном техникуме заочно. Думаю, поступлю. Диктант напишу сам, а геометрию вызубрю».

...Я стою перед дверью с табличкой 47. Сейчас открою, и всё полетит к чёрту. Или наоборот. Не могу решиться. Наконец, взялся за ручку. Вперёд! Дверь скрипнула и тотчас же ответил паркет. Скрип ужасный! Так скрипят калитки на кладбище. Сразу в глаза бросились карты, они были на всех стенах. Василий Александрович стоял в углу и что-то объяснял практикантке. Девушка лишь послушно кивала головой.

— А, привет!

— Здравствуйте.

— Подожди минуту.

Я стал осматривать коллекцию минералов и горных пород на стеллаже. Богатая коллекция! Потом стал определять минералы, удалось несколько опознать. Старые знакомые, у меня тоже такие есть.

— Ну, всё. До свидания, — услышал я и сразу адски заскрипел паркет. Когда она вышла, Василий Александрович произнёс слова, которые для меня звучали музыкой:

— Повезло тебе. Удалось устроить. Будешь работать рабочим, ходить в маршруты. Знаешь, у кого? У Сергеева, соседа вашего.

Пол поплыл под ногами. Как — у Сергеева?! Ведь это мой враг! Месяц назад он застрелил мою любимую собачку Угадаю. Мы, мальчишки и девчонки Старого двора, похоронили Угадаю в канаве, вырыли могилку и насыпали холмик. А потом взяли рогатки и пошли бить стёкла в окнах Сергеева. А девчонки стояли под окнами и кричали нехорошие обидные слова. И теперь я буду во власти моего врага? Первой мыслью было отказаться от работы. Но второй Славка, сидящий во мне, остановил: «Это значит, отказаться от своей мечты». И я, не чувствуя сердца, пошёл за Василием Александровичем.

Коридор, по которому шли, казался бесконечно длинным.

– Вот и пришли, – Гулин остановился перед застеклённой дверью с табличкой «Шара-Талинская геолого-съёмочная партия». Мы вошли. Думал, увидев меня, Сергеев накричит и прогонит. Он, в белой рубашке, сидел за самым дальним столом. Пришлось идти через весь кабинет.

– Вот это гигант! – в его словах звучало: «Кого же ты мне привёл, Вася?»

Гулин почувствовал интонацию, ему вроде бы стало неудобно за меня:

– Леонид, ты не подумай, что он маленький. Он жилистый. Первый по боксу, увлекается волейболом, велосипедом. Вот увидишь...

– Лучше бы у него был первый разряд по футболу, играл бы за нашу команду...

Василий Александрович перебил его и начал сыпать факты: мол, любит тайгу, мечтает стать геологом и в таком духе.

– Гигант, в партии был? – спрашивает Сергеев.

– Был, два раза. С отцом. После четвертого класса и после пятого.

– Хорошо, беру. Только чтобы не хныкать. Работать по-настоящему, понял? И не говорить, что ты хочешь домой, понял?

– Да, – прошептал я, хотя хотелось кричать. Первая работа! Один! Без родителей! Первый настоящий экзамен на жизнь. Готов ли я жить? Люда, ты понимаешь?..

– Борис, оформи «Гиганта», – обращается Сергеев к пожилому сотруднику за соседним столом и ко мне:

– Послезавтра выезд в поле. Быть с вещами к девяти часам. Здесь. Всё».

Четырнадцатого июня 1969 года наша партия со всем личным имуществом погрузилась в общий вагон пассажирского поезда. Поехали на запад до станции Могзон, где находилась основная база партии. Шофёр Николай Дозорцев и завхоз Василий Сергеевич Осипов из Читы ехали на машине ЗИЛе с имуществом – палатками, спальными мешками, инструментами, продуктами, другим полевым снаряжением. Была в партии ещё одна машина – ГАЗ-3 под номером 95-33, работал на ней Михаил Малютин.

Начальником партии был Сергеев Леонид Иванович. Тот самый, из окна квартиры которого сентябрьским днём я услышу звуки сольфед-

жио. Тот самый, из окна которого пятью месяцами раньше, в апреле, раздался выстрел из мелкокалиберной винтовки. Раздался выстрел, и у меня не стало любимого пёсика Угадая. У него была короткая чёрная шерсть, чуткий слух и звонкий голос — это его и погубило. Угадай слышал шаги людей, проходящих мимо наших ворот, и начинал залиvistо лаять, а у Сергеевых только что родился первенец — сын Лёша, который просыпался от любого малейшего шума.

...Старший геолог партии — Юрий Анатольевич Турчинов. Ещё были геологи Александр Тихонович Бахаев и Владимир Петрович Пиллягин, который являлся начальником поискового отряда. Молодыми специалистами прикрепили Владимира Гланца и Елену Ищук. Как потом я узнал, уже в поле, Владимир писал стихи, и у него вышла маленькая собственная книжка стихов. Кажется, называлась она «Горный хлеб». Так впервые в жизни я увидел настоящего живого поэта. Я смотрел на этого высокого молодого человека с чёрными вьющимися волосами и не мог поверить, что у него есть своя книжка. Смотрел долго и внимательно — так впервые беременные смотрят на детей. К тому времени я уже сам пытался изображать что-то такое на бумаге в столбик. На Гланца, конечно же, я смотрел как на Бога.

Ещё были две студентки-практикантки из Кривого Рога — Валя Мяч и Люда Клубенко. Ещё была Галя — студентка из Томска. Чуть позже приехал в партию отец Сергеева, пожилой грузный человек. Звали его Иван Иосифович. Жил он в отдельной палатке, чуть в стороне от основного лагеря. Должности его не знаю, чем-то занимался по хозяйству. Были повариха Инна с мужем Михаилом и сыном Игорьком, родом они из Белоруссии. Михаил работал на магистралях и профилях, прорубал узкие — в полметра — длинные просеки по заданным направлениям. Были ещё горняки, два суровых неразговорчивых человека: Витя Малый — двухметровый гигант с кавказским лицом и Витя Большой — русоголовый крепыш «метр с кепкой». Они били шурфы далеко в тайге, жили в отдельной палатке в стороне от лагеря, сами себе готовили еду на костре. Были в лагере ещё два горняка: Саша, который хорошо пел песни под гитару, и рыжий молчаливый человек лет сорока — имени его я не помню. На лето устроились рабочими в партию читинские художники — Виктор Черепяхин и Юра Кузьменко, которого все почему-то называли Гошей. После отъезда домой Сергея Гладких, Витьки Федо-

реева и Олега Посканного Виктор с Гошей перебрались в нашу шестиместную палатку. Перед этим по неосторожности сгорела их двухместная палатка.

Нам выдали большую палатку, в которой по обеим сторонам мы разместили четыре раскладушки, две – по центру. В торце – перевёрнутый ящик вместо стола, на нём свеча в пустой консервной банке.

Был ещё Роберт Родченко, техник, занимался шлиховой съёмкой. Места были золотиносные, здесь в прошлое время поработали старатели. Конечно, самородков не было, но «золотила» каждая проба. За несколько дней до приезда Роберта в лагере все только о нём и говорили: вот приедет Робка, всех анекдотами завалит. Появился он неожиданно, пришёл ночью. Утром уже сидит со всеми за столом и отмачивает шутки. Роберту немного за тридцать, у него причёска из пятидесятых годов – волосы зачёсаны назад. Любимая поговорка: «Люблю военных, сам пограничник». Да ещё он произносит её как-то по-особенному. У всех эта манера вызывает улыбку. Стоит ему начать: «Люблю военных...», как все хором подхватывают: «...сам пограничник». И все хохочут. Я – тоже. Роберту помогал рабочий шлиховальщик Михаил Поддубский.

За радиометрическую службу отвечал Леонид Кривенков, но все звали его или Лёха, или Пастор, на что он охотно откликался. У него под раскладушкой хранится фляжка с водкой. После работы перед ужином он наливает немного в эмалированную кружку и благославляет её. На груди у Лёхи крестик на плетёной верёвочке. Аккуратная чёрная борода. На голове что-то сложное из двух полотенец, азиатское, похожее на чалму. Он сделал себе огромную капитанскую трубку: стоит, губа отвисла под тяжестью собственного изобретения, сосредоточенно смотрит вдаль. У Лёхи много любимых выражений. «Точно как в аптеке» – это для маршрутов, когда, посмотрев на компас, Лёха прищёлкивает языком и говорит эту фразу. Потом добавляет: «Только так, и больше никак».

«Ёлки зелёны», – говорит постоянно и везде.

«Иди, сын мой. И не просто иди, а иди, иди и иди». Не обязательно «иди», но что-то в этом роде. При этом сам же заразительно смеётся. В стороне от лагеря у Лёхи спрятана свинцовая болванка, внутри которой находится радиоактивный эталон. Время от времени он шаманит с эта-

лоном, графиками, приборами. Дважды просил меня помочь. По натянутому между двумя берёзами шнурку надо было передвигать блестящую продолговатую капсулу и записывать показания прибора.

...На работу взяли меня маршрутным рабочим третьего разряда, но первое время вынужден был вместе с Михаилом и другими ребятами прорубать профили. Для меня, выросшего в деревянном доме, работа с топором — обычное дело, и как будто проще не бывает. Но это лишь на первый взгляд. К вечеру стало ясно, что топор — очень неудобный инструмент. Во-первых, тяжёлый. Во-вторых, на тех зарослях, через которые надо было прорубаться — молодой березняк, сосняк, листвяк, ерник, ольшаник — топор пружинит. После бессмысленного махания в первый день на ладонях появились мозоли. Такие же мозоли взбугрились и у ребят из Старого двора. У Михаила тоже был топор, но пользовался им он редко — лишь когда необходимо было срубить толстое дерево. Обойти его нельзя, профиль должен походить на туго натянутую струну. Работал Михаил самодельным палашом или мачете, в длину больше полуметра.

— Это из двуручной пилы, сделайте такие же.

После работы подошли к начальнику партии Леониду Ивановичу. Он выслушал нас и спросил у завхоза:

— Василий Сергеич, запасная двуручка на складе есть?

Василий Сергеевич Осипов, с первого дня внушивший нам, как к нему надо обращаться. Он не терпит слово «завхоз», говорит, что он — заместитель начальника партии по хозяйственной части. Осипов думает, в уме перебирая своё хозяйство.

— Одна есть.

— Выдай им, Сергеич.

Мы идём на склад — шестиместную, как и у нас, палатку. Заместитель начальника подаёт нам за ручку пилу — пила играет и певуче звенит. Затем выносит ручное точило, зубило и молоток.

До темноты мы вырубает четыре полосы по семьдесят сантиметров. Жаль, завтра снова придётся махать топором. С утра всё повторяется. Мы с завистью смотрим на палаш, которым Михаил легко, одним взмахом, срезает молодые, толщиной в руку, деревца. Там, где Михаил в секунду срубает несколько прутьев, мы возимся возмутительно долго.

Ждём вечера. Наскоро ужинаем и занимаемся своими секирами. У нас они получились чуть длиннее. Наточили, приделали деревянные ручки – теперь пойдёт работа! И работа пошла...

«22. Июнь. 1969 год. Суббота. Шара-Талинская геологическая партия. Сегодня мой первый настоящий рабочий день! Без вольновок и тому подобное. От всей души, со всей отдачей вкалывал. В тайгу уходим парами. Мы – с Леонидом – Пастором. Витька Федореев – с Михаилом. Серёга Гладких – с Олегом. Идём на север. Весь день попробуй помаши топором и секирой! Скажу честно, через час я уже выдохся. Весь. Капитально. Смотрю на часы. Ещё три часа вкалывать до обеда. Неужели сразу в первый день – руки вверх? От этой мысли сам на себя разозлился. Взял секиру и давай махать, откуда только силы взялись? В общем, почти проспект сделал. А до обеда ещё долго, целый час. Пересохло горло, появились пауты. Энцефалитка прилипла к телу, весь взмок. Топор обжигает ладони – мозоли...

– Всё, шабаш! Обедать, – командует Лёха. Мы возвращаемся по готовому профилю назад к своим рюкзакам с продуктами.

Какое это блаженство – обед! Ты заслужил его. Сидишь несколько минут под деревом, не шевелишься, отдыхаешь. Подтягиваются другие пары. Михаил осматривает наши секиры, оценивает и говорит:

– Хороши. Только вечером ручки на костре обожгите, почти до черноты, чтобы стали тёмно-коричневые, а то мозоли будут. И верхонки на складе возьмите.

Я считаю свои мозоли, их уже двенадцать. И у ребят – не меньше. Кто-то открыл банку концентратов, вкусный запах ударяет в нос. Забываешь даже про усталость. Я открываю банку сайры, достаю хлеб, ложку. Каждый берёт продукты на складе под запись, называется «личный забор», но в обед все выставляют содержимое рюкзака на общий стол. Сайра – дома я бы не съел и половину банки, а здесь!.. После обеда – полчаса отдыха. Я валюсь в траву, зарываюсь в неё лицом. Не спится, хотя ребята уже храпят. Это мой первый рабочий день, я думаю о нём. Потом думаю о Люде... О ней я всё время думаю – в тайге, на отдыхе, на привале, перед сном, закутавшись в спальник с головой. Как она там? Получила ли моё письмо?»

После недели работы все выехали на основную базу в Могзон. Банный день. В лагере остался Иван Иосифович Сергеев. После бани вече-

Это была демоверсия книги - Вьюнов В.А. Поэзия и проза. Т. 3: Сладкая печаль сердца

С полной версией книги можно ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34